

УДК 94:630 (47)

ББК 63.3(2)+43.4г

Характеристика самовольной порубки леса в исторической ретроспективе*

М.О. Тяпкин¹, Е.В. Демчик²

¹Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Characteristic of Unauthorized Cutting of Woods in a Historical Retrospective

М.О. Tyapkin¹, E.V. Demchik²

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается такая разновидность нарушения законодательства об охране лесов, как самовольная порубка леса, являвшаяся в дореволюционный период одним из самых распространенных преступлений. Основными причинами широкого распространения самовольных порубок были особенности правового и экологического сознания крестьян, нашедшего практическое отражение в нормах обычного права. Крестьяне рассматривали лес как общедоступный природный объект, пользоваться которым может каждый желающий, поскольку ни один человек не прикладывал усилий для его выращивания. По мере того, как лес становился для государства ценным стратегическим материалом, начинается ограничение свободного лесопользования населения. Основным способом борьбы с самовольными порубками являлось ужесточение наказаний за их совершение. При Петре I была введена смертная казнь за рубку ценных корабельных дубов, затем на протяжении XVIII и XIX вв. происходило постепенное смягчение наказаний. Данный вид преступлений относился к разряду имущественных, поэтому основным видом наказания, которое было предусмотрено за его совершение, являлся денежный штраф. Меры, предпринимаемые государством для борьбы с самовольными порубками, были не слишком эффективны, поскольку было важно сформировать в обществе рациональное отношение к лесу.

Ключевые слова: самовольная порубка леса, охрана лесов, уголовное лесное право, лесная политика, лесопользование, правовое сознание, экологическое сознание.

The article examines an unauthorized cutting of forest as a kind of a violation of forest legislature which was one of the most widespread crimes in the prerevolutionary period in Russia. The unauthorized cutting of forest was caused by specific features of legal and ecological mentality of peasants. Peasants considered forests as a public natural object which could be used by everyone who wanted. While forests turned into valuable strategic resources uncontrolled forest exploitation began to be restricted. The main method of fight against unauthorized cutting was toughening of punishments. Peter the First introduced a death penalty for cutting of valuable ship oaks. During the 18th and 19th centuries the punishments became softer. This kind of crimes were considered as property crimes and were punished with fines. The measures which the state used to fight against unauthorized cutting of forest were not effective enough so it was necessary to form rational attitude to the forest in the society.

Key words: unauthorized felling of the wood, forest conservation, criminal forest law, forest policy, forest exploitation, legal consciousness, ecological consciousness.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-24

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII — начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

Указом Президента Российской Федерации «в целях привлечения внимания общества к вопросам экологического развития Российской Федерации, сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности» 2017 г. был назван Годом экологии. Одним из важнейших направлений обеспечения экологической безопасности и реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду является охрана лесов от несанкционированного пользования. Число преступлений, влекущих за собой ущерб живой природе и народному хозяйству, неуклонно растет. Среди правонарушений, посягающих на экологическую безопасность страны, на сегодняшний день одними из самых распространенных являются самовольные порубки леса [1, с. 104]. По разным данным, в России объем незаконной лесозаготовки составляет от 30 до 50% объема общего лесопользования. Ежегодно государственный бюджет теряет сотни миллионов рублей недополученной прибыли от реализации древесины и продуктов ее переработки. Кроме очевидного экономического ущерба несанкционированные рубки наносят колоссальный вред природе, уничтожая природную среду обитания животных и птиц, разрушая экосистему.

Самовольная порубка леса является многоаспектным явлением, носящим одновременно правовой, социальный, экономический и экологический характер. Криминалистическая характеристика уголовных преступлений в виде незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 Уголовного кодекса РФ), совершаемых в наши дни, показывает, что основные структурные элементы (предмет преступного посягательства, мотивы и цели совершения преступления и т.д.) этого противоправного деяния практически не изменились. Говорить можно лишь о значительном усовершенствовании способов совершения самовольной рубки, производимой с помощью техники, что повышает степень социальной опасности и объем неблагоприятных последствий для природной среды.

Некоторые сюжеты, связанные с исторической характеристикой самовольных лесных порубок, рассматривались в работах, посвященных изучению правовой охраны лесов (М.М. Бринчук, А.А. Лачин, Ю.П. Шубин, Н.И. Ефимова, И.А. Фомина, А.Ю. Пуряева, С.С. Сутягин, Э.С. Навасардова, Д.Б. Чураков, Д.А. Глазунов), государственной лесной политики и истории лесного хозяйства (Э.Г. Истомина, В.В. Черных, И.В. Шутов, А.И. Писаренко, Т.Н. Соболева, Е.А. Карпенко, Т.А. Смирнова, В.И. Пантелеев, М.В. Дорофеев), аграрной истории (Л.М. Горюшкин, В.Н. Худяков, И.А. Асалханов, И.А. Якимова) и др.

В работах названных авторов и ряде других исследований самовольная лесная порубка не выступает в качестве самостоятельного предмета исследования. Вместе с тем, на наш взгляд, ретроспективный анализ этого явления имеет отчетливо выраженное

научное и практическое значение. Противодействие этому социальному злу должно носить комплексный характер, в том числе с учетом и использованием исторического опыта. В рамках данной статьи мы предпримем попытку рассмотреть в исторической ретроспективе основные элементы (правовой, социальный, лесохозяйственный) такого явления, как «самовольная порубка леса».

В.О. Ключевский писал: «Лес сыграл крупную роль в нашей истории, он был многовековой обстановкой русской жизни... Лес оказывал русскому народу разнообразные услуги — хозяйственные, политические и даже нравственные: обстраивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями, обзаводил домашней посудой и мочалом» [2, с. 83]. Лес являлся фактором физического выживания, к нему относились с почитанием, уважением и страхом. Но он же являлся и одним из самых трудноодолимых препятствий при ведении сельского хозяйства. Особенности произрастания лесных массивов на территории, осваиваемой русскими крестьянами, заставляли «редкое население обширной страны в течение целых столетий вести отчаянную борьбу с лесом, наступавшим на него со всех сторон: лучшие деревья срубались для постройки жилья, а прочий лес на участках, предназначенных под угодья, безжалостно уничтожался топором и огнем» [3, с. 3].

Значение и ценность леса предопределили раннее включение лесных массивов в гражданско-правовой оборот. Ряд исследователей датируют процессы зарождения лесного законодательства временем принятия Русской правды [4, с. 68]. Другие, в частности В.В. Черных, полагают, что началом развития русского лесного законодательства на государственном уровне можно считать появление засечных оборонительных сооружений в XIV в. и необходимость регламентации их деятельности [5, с. 21]. Нормы охранительного характера, определявшие наказание за нарушение установленных в законе запретов, касались защиты интересов собственника от незаконных посягательств на его имущество. Другими словами, за посягательство на лесную собственность (сам лес или угодья, находившиеся в нем) ответственность была такой же, как за причинение ущерба любому другому имуществу.

Все исследователи сходятся в одном: в допетровский период никакого системного развития лесное законодательство не получило. Лесовод Н.М. Зобов в 1872 г. писал, что «до Петра Первого леса в России не имеют почти никакого значения. Ими всякий мог пользоваться как воздухом или водой. Это эпоха изобилия лесов при малой в них потребности» [6, с. 80]. Понимание леса как объекта хозяйствования и стратегически важного для государства ресурса начало формироваться благодаря резкой смене политическо-

го курса при Петре I. Причиной же появления лесного хозяйства в России становится потребность в корабельном лесе, повлекшая за собой формирование системы лесоуправления и лесного законодательства.

Самовольная порубка леса как институт лесного уголовного права формировалась в результате криминализации вольного неограниченного лесопользования, произошедшей в начале XVIII в. и связанной с началом регламентации лесных правоотношений. Запрет на самовольное пользование ценными лесами, пригодными для корабельного строения, являлся частью новой государственной политики по повышению обороноспособности страны. С этого момента начинается длительное противостояние официально-го взгляда на несанкционированное лесопользование, закрепленного в нормативных актах и подкрепленного силой государственного принуждения, и народных представлений о правомерности неограниченного пользования дарами природы, укоренившихся в хозяйственных обычаях, правовом и экологическом сознании крестьянина.

Формирование внутреннего содержания понятия «самовольная порубка леса» происходило параллельно с развитием государственной лесной политики, оформлением института лесной собственности, совершенствованием системы лесного законодательства. При Петре I была запрещена самовольная рубка лесов, имеющих значение для кораблестроения, но вместе с тем за крестьянами было оставлено право свободного пользования менее ценными лесными массивами, в том числе теми, которые составляли собственность помещиков. Запреты распространялись лишь на ценные корабельные рощи. Сибирским обывателям в силу отдаленности региона от центров кораблестроения была разрешена рубка леса на удовлетворение своих потребностей без каких бы то ни было ограничений. После принятия указа 1782 г., положившего начало разграничению казенного и частного лесовладения, самовольной стала считаться порубка, совершаемая в лесах, которые находились под «заказом» или «в заповеди», имели стратегическое значение для государства или являлись казенной, частной или общественной собственностью без обременения в виде разрешенного общего въезда и пользования. В малоценных лиственных лесах, в местностях, где не было закончено размежевание земель, а также там, где леса было в избытке, население вплоть до начала XX в. имело право на неограниченное лесопользование.

Уголовно-правовые нормы, в том числе те, которые предусматривали ответственность за лесонарушения (так называемое лесное уголовное право), были «разбросаны» между отдельными нормативными актами. Начиная с издания 1842 г., в лесных уставах содержались статьи, устанавливавшие меру ответ-

ственности за лесонарушения. Однако большинство из них самостоятельного значения не имели, поскольку содержали отсылку к соответствующим нормам Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, или Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [7, с. 272]. Лесные уставы устанавливали правовые режимы самовольной порубки в зависимости от формы собственности и хозяйственной принадлежности лесов. Довольно громоздкая и многоэлементная система лесоуправления, а также многообразие форм собственности на лес создали ситуацию, при которой «материальная, административная и уголовная ответственность за нарушение правил пользования лесами продолжала изменяться и корректироваться на протяжении всего XIX столетия» [8, с. 179].

Лесное уголовное право относилось к лесонарушениям самовольную порубку леса, поджог (умышленный или по неосторожности) и потраву (разного рода повреждения лесной растительности), а также проступки и должностные преступления, совершаемые служащими лесного ведомства. Самовольные порубки являлись наиболее распространенным видом нарушения лесоохранного законодательства, что дало основание Н.И. Фалееву утверждать, что «история русского лесного уголовного права есть, в сущности, история самовольных порубок» [7, с. 279].

Формального определения самовольной порубки уголовное право Российской империи не знало. В справочных изданиях термином «порубка» обозначалась именно «самовольная, без разрешения, вырубка леса, кража его с пня» [9, с. 402]. По отношению к разрешенному лесопользованию применялся другой термин — «рубка». С точки зрения содержательного анализа это преступное деяние можно определить как несанкционированное владельцем (государством, частным лицом, общиной и т.д.) пользование лесными материалами в виде похищения (или покушения на похищение) из леса растущих деревьев, их частей или валежника.

Особенностью дореволюционного права являлось то, что лесонарушения относились к преступлениям против собственности, в связи с чем уголовное и гражданское законодательство было нацелено на охрану и защиту интересов собственника леса (в том числе государства) и восстановление его нарушенных прав, практически не учитывая общественную опасность, которую представляло уничтожение лесов для человека и всей экологической системы [10, с. 105]. Лишь к началу XX в., когда сложилась практика применения лесоохранительного закона 1888 г., появилось понимание особой роли леса как природного объекта, в связи с чем государство возложило на себя право и обязанность защищать не только законные интересы собственника по отношению к своему лесному имуществу, но и сами леса в интересах лесного хозяйства и общества.

При назначении наказания к самовольным порубкам приравнивались кража заготовленного леса, неразрешенная расчистка лесных угодий, порча растущих деревьев, переруб по количеству и сортаментам более чем на 10% при производстве законной рубки, продажа бесплатно или по льготной цене отпущенного леса лицу, не имевшему права на льготу, рубка в неотведенных для этого местах или во внеурочное время, повреждение деревьев, приводившее к прекращению их роста [11, с. 454–455].

Особенности некоторых составов этого преступления нуждаются в пояснении. Так, по отношению к перерубу действовало правило 10х100, т.е. превышение разрешенного объема по количеству, толщине и длине на 10%. Если переруб объявлялся добровольно, то с нарушителя взыскивалась только дополнительная таксовая стоимость лесных материалов. Эта правило не действовало по отношению к нарушениям, совершаемым в ценных лесах, за рубку которых предусматривалось более суровое наказание [12, с. 223].

Внеурочным временем считался пожароопасный период, т.е. весна и лето. Начиная с первой половины XVIII в. практиковалось ограничение доступа в леса в весенне-летний период путем выставления кордонов, перекапывания лесных дорог и т.д. Подобные меры применяются в лесном хозяйстве до сих пор. Обер-форстмейстерская инструкция 1798 г. предписывала проведение рубок только в период с сентября по март, т.е. вне пожароопасного сезона и когда «у дерева сок в корне». Позже эти сроки были изменены и устанавливались отдельно для разных губерний, в зависимости от природно-климатических условий. Сельский полицейский устав 1839 г., а затем Лесной устав 1842 г. вновь подтвердили запрет рубок в период с 1 марта по 1 сентября, но с оговоркой, что в некоторых губерниях время начала действия запрета могло смещаться до 15 апреля [13, с. 284]. С развитием лесной отрасли и увеличением темпов лесозаготовки возникла необходимость в корректировке этого правила и установлении «плавающих» сроков для производства рубок. С 60-х гг. XIX в. отпуск и рубка леса могли производиться «во всякое время года, во всех тех случаях, когда сие будет признано необходимым для удовлетворения безотлагательных нужд в лесном материале, равно и в видах успешнейшей и выгоднейшей продажи леса, с принятием надлежащих мер к устранению беспорядков и вреда лесу» [14, с. 302–303].

Отдельным составом преступления считалась самовольная порубка, совершенная большим числом людей. Особенность самовольной порубки как преступления заключается в том, что чаще всего она совершается с участием нескольких человек, выполняющих большой объем физической работы по рубке и вывозу деревьев. Случаи, когда крестьяне отправлялись в лес чуть ли не всеми семействами, отмечались на протяжении всего дореволюционного периода в са-

мых разных частях империи. В соответствии с указом Александра I дела о самовольных порубках, в которых участвовало несколько жителей одного поселения, должны были направляться вместе с судебным приговором и мнением губернатора в Сенат, а затем через министра юстиции императору для окончательного решения [15, с. 183–184].

Нормы, определявшие порядок вынесения наказания за лесонарушения, могли применяться выборочно, в зависимости от местных условий. В отдельных регионах империи, считавшихся многолесными (Сибирь, Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Вятская, Пермская губернии), наказания за самовольную порубку или переруб либо были значительно мягче, либо вовсе не налагались [16, с. 805]. Размер и вид наказания могли зависеть от породного состава срубленных деревьев. Стоимость сосновых деревьев определялась по действующим на данной территории таксам, а особо ценных, в том числе лиственных, дубовых и липовых — по специальным нормам, устанавливаемым Лесным департаментом.

Субъективная сторона уголовного преступления в виде самовольной порубки характеризовалась тем, что она всегда совершалась умышленно. В отличие, например, от неосторожного обращения с огнем, приведшего к лесному пожару, срубить дерево случайно и неумышленно, невозможно. Современная уголовно-правовая характеристика самовольной порубки леса в качестве основного признака этого противоправного поведения также предполагает наличие активного поведения виновного лица, выражающегося в форме действия [1, с. 105]. Подавляющее большинство самовольных порубок совершалось с твердым убеждением нарушителя в правомерности своих действий, которое подкреплялось нормами обычного права, отразившимися существовавшее в народном сознании отношение к лесу и лесной собственности.

Влияние народных обычаев в сфере лесопользования и лесоохраны нельзя недооценивать, поскольку отечественное лесное право развивалось под влиянием двух факторов — «народного воззрения на лес и государственной необходимости» [7, с. 269]. Значимость народных правовых обычаев неоднократно подчеркивалась законодателем. При проведении крестьянской и судебной реформ было обращено внимание на «необходимость придерживаться народных юридических обычаев и не налагать на них запрещения» [17, с. 229]. Положением 19 февраля 1861 г. и судебными уставами 1864 г. за народом было признано право защищать свои интересы на основании обычаев. Государственный совет, являясь высшим государственным органом, официально признавал значимость правовых обычаев в вопросах регулирования имущественных и личных неимущественных отношений крестьян. Исходя из понимания значимости обычно-правовых институтов за судебными органа-

ми и должностными лицами (например, мировыми посредниками) была оставлена возможность разбора некоторых дел, в том числе о незначительных лесонарушениях, совершаемых крестьянами, на основании норм обычного права. Единственным условием такой правоприменительной практики являлось отсутствие явных противоречий между законом и обычаем.

С точки зрения обычного права лес воспринимался, используя современное правовое понятие, как «объект общего пользования». Крестьяне были убеждены в том, что лес — это «божий дар», данный человеку природой безо всяких усилий с его стороны, а потому пользоваться им может всякий желающий и нуждающийся. Это не могло не отразиться на отношении крестьян к лесу, они «не проявляли уважения к чужой собственности, особенно если она выступала в деперсонифицированном анонимном виде, например, собственность государства» [18, с. 34]. Лица, рубившие чужой (с правовой точки зрения) лес, оправдывались общественным мнением, поскольку «народ не считал нарушением частного права собственности порубку чужого леса» [19, с. 50]. К человеку, подвергнутому наказанию за самовольную порубку, крестьяне относились как к пострадавшему незаслуженно по нелепой случайности.

В нашей стране право собственности на лес оформляется довольно поздно, а государственная собственность чаще всего формировалась по остаточному принципу, когда казна называла своими те лесные массивы, на которые никто не заявлял прав владения. В результате крестьяне многими поколениями, особенно в богатой лесом Сибири, пользовались лесными ресурсами без каких бы то ни было ограничений, даже если формально эти леса имели статус казенных. В отдельных случаях правовой обычай неограниченного лесопользования находил подтверждение в законодательстве. Так, сибирские обыватели, имевшие в XVIII и первой половине XIX в. практически неограниченную возможность пользоваться необходимыми лесными материалами, очень недружелюбно воспринимали все попытки государства установить рамки дозволенного лесопользования [20, с. 176–179].

Огромные земельные просторы, почти неисчерпаемые лесные, водные и охотничьи ресурсы сформировали у русского крестьянина небрежное отношение к самим природным богатствам и праву собственности на них. Ученый-лесовод А.А. Силантьев объяснял безрассудное отношение к природным ресурсам наличием «коренной, исторически сложившейся чертой русского человека — отсутствием какого бы то ни было расчета в пользовании естественными богатствами, в связи с убеждением в их неисчерпаемости» [21, с. 20]. Эта черта сформировалась вместе с возникновением русской нации и настолько глубоко укоренилась в национальном сознании, что остается определяющей в отношении к природе и в наши дни. Все это вместе

взятое позволило А. Мельникову-Печерскому назвать русского человека «врагом леса» [22, с. 510].

Лесоводы и помещики-энтузиасты лесного дела сетовали на то, что крестьяне не понимали смысл лесного хозяйства, его рентабельность и цикличность. Внук декабриста князь С.М. Волконский, которого нельзя обвинить в какой-либо предвзятости, писал, что «крестьянин смотрит на дерево как на материал; его тень, его прохлада, а тем паче его краса ему не нужны. Он не сознает даже того, что рост дерева есть своего рода капитал и что, как капитал начинается с копейки, так мачтовое дерево начинается с посаженного прутика. Риск в хозяйстве ему чужд, и все имеет цену лишь с точки зрения единовременной наживы» [23, с. 171].

Когда в 1870-х гг. шла подготовка проекта лесоохранительного закона, членами специальной комиссии была проделана большая работа по анализу состояния охраны лесов различных видов собственности (кроме казенных). Одним из результатов работы комиссии стал вывод о том, что крестьянские леса уничтожались наиболее быстрыми темпами, поскольку «крестьяне берегут свой лес только там, где есть возможность рубить тайком казенный или владельческий, так что мысль лесного управления об уменьшении числа самовольных порубок выделом крестьянам лесов не только не оправдывается, но приводит только к противоположным результатам» [19, с. 196].

Вместе с тем, когда речь шла о собственно крестьянских лесных наделах, то в большинстве случаев ситуация резко менялась. Н.М. Ядринцев, писал, что «русский, а особенно сибирский крестьянин, там, где он хозяйничает на воле и на своих полях, ничего не делает без расчета, без пользы для себя. Как родное дитя бережет он и холит лес, отведенный ему для обихода» [24, с. 62]. Практика передачи лесных дач «в заказ», т.е. фактически под охрану крестьянской общины, во многом себя оправдывала, поскольку крестьянские общества выработали ряд достаточно эффективных мер по охране собственного лесного имущества. Особенно ярко это проявилось во взаимоотношениях между старожилами и переселенцами, которые, поселяясь на новых местах и нуждаясь в лесных материалах, но не имея возможности их получить, совершали порубки в общественных наделах. В таких случаях общинники-старожилы применяли к нарушителям довольно жесткие меры, вплоть до отчисления из состава сельских обществ.

Но не только веками устоявшаяся привычка брать природное сырье там, где это удобно, хотя и противозаконно, влияла на значительные объемы самовольных порубок. Одним из важнейших мотивов, толкавших крестьян на преступление закона, была действительная необходимость в древесине — основном строительном материале и топливе. Несмотря на то, что Россия обладала самыми больши-

ми, по сравнению с другими европейскими государствами, лесными запасами, их распределение по территории страны было крайне неравномерным. К началу XX в. на одного жителя страны в среднем приходилось около 1 дес. лесной площади. Однако этот показатель не должен вводить в заблуждение. Речь шла об общей лесной площади, тогда как большая часть лесов была сосредоточена в труднодоступных северных и восточных регионах страны, что крайне затрудняло их эксплуатацию. Более того, в некоторых местностях Сибири, особенно в степной и лесостепной зонах, лесистость была даже меньше, чем в губерниях Европейской России.

Те части нашей страны, где в силу природных факторов, а также последствий человеческой деятельности лесистость была невысока, испытывали так называемый лесной голод, т.е. крайнюю потребность в лесных материалах. Это провоцировало большое количество мелких, незначительных порубок с небольшими суммами ущерба. К таким «порубщикам поневоле» власть относилась более снисходительно, чем к тем, кто сделал незаконную рубку леса преступным промыслом. Мелкие самовольные пользования искоренить полностью было невозможно, поскольку их причины лежали в экономической сфере, а именно «в нужде населения в лесе, безденежье крестьянина и затруднительности приобретать необходимые материалы общепринятым порядком» [25, с. 398].

Если в период стабильности преобладали мелкие порубки, вызываемые нуждой в лесных материалах, то в периоды смут и социальных потрясений, сопровождавшихся ослаблением надзора за лесами, росло количество крупных порубок и появлялись спекулянты, скупавшие у крестьян срубленный ими лес и продававшие его ниже установленных цен. Отыявленные лесокрады-рецидивисты всегда выделялись отдельной строкой в отчетах лесных чиновников. Формально они должны были нести более суровое наказание, однако эффективность борьбы с браконьерами была не слишком высока в силу сложности процедуры привлечения порубщика к ответственности по действовавшему в дореволюционный период законодательству.

Немаловажным фактором, предопределившим широкое распространение самовольных лесных порубок, являлось несовершенство системы преследования этого вида лесонарушения. По оценке одного из классиков отечественного лесоводства А. Рудзкого, «большие порубки служат всегда несомненным признаком очень дурного управления» [26, с. 32]. Министр государственных имуществ П.Д. Киселев в своем докладе Александру II отмечал, что «беспрерывно открываемые по разным губерниям самовольные, в больших размерах, порубки удостоверяют, что принятые до сего времени меры оказываются недостаточными» [27, с. 598–599]. Классики русского лесоводства отме-

чали, что для лесного хозяйства России «самовольные порубки приобрели характер систематического зла» [22, с. 514]. От несанкционированных рубок страдали все леса, вне зависимости от владельческой принадлежности. Знаменитый английский естествоиспытатель Р. Мурчисон, приехавший в Россию в 1840 г., на аудиенции у Николая I на вопрос о самых сильных впечатлениях от своего путешествия, ответил: «Быстрота, с которой истребляются леса в прекрасной стране Вашего императорского величества» [28, с. 12].

До конца XIX в. подавляющая часть казенных лесов находилась под охраной избираемых от крестьянских обществ полесовщиков, которые, «живя в отдаленности от лесов и видя в отправлении своей обязанности одну только тягостную для себя повинность, не имеют никакой побудительной причины пещись о сохранении порученных им лесов, а состоя в родстве или дружеских связях с окрестными крестьянами, не препятствуют им делать самовольные порубки, или не преследуют их за оные вовсе, когда могут сие сделать без всякой для себя ответственности» [29, с. 832–833].

Слабость лесного надзора и особенности судебно-административной системы создавали ситуацию, при которой виновные в лесонарушениях могли оставаться безнаказанными, а, как известно, «одних постановлений, предписывающих сбережение лесов, недостаточно: необходимы законы, определяющие наказания и взыскания за запрещенные поступки и действия» [30, с. 544].

Система наказаний за нарушения лесоохранных указов начала формироваться в первой четверти XVIII в. одновременно с появлением указов об организации управления лесами. Петр I, ставивший во главу угла интересы государства, установил строгую юридическую ответственность за самовольную рубку леса, рассматривая ее не как нарушение имущественных прав лесовладельца, а как покушение на государственные интересы. Учитывая ценность лесов для государственных нужд, не приходится удивляться жесткости и даже жестокости наказаний, налагаемых за лесонарушения в начале XVIII в. Наказанием за самовольную порубку ценного корабельного леса могла быть смертная казнь, каторга, ссылка на галеры, телесное наказание или крупный денежный штраф [31, с. 283–284]. Объемы наказания определялись исходя из наличия различных факторов: личность порубщика, объем и ценность срубленной древесины, место совершения преступления и т.д.

Среди именных указов Петра I есть один, данный им 9 февраля 1720 г. по поводу вырубке заповедных «при Санкт-Петербурге рощах» [32, с. 127]. Он ярко иллюстрирует сложившуюся правоприменительную практику. Выяснилось, что в близлежащих с столице лесах активно «хозяйничали» местные жители практически всех сословий, в том числе

и дворяне, «смотря на других». После производства следствия и выявления виновных в порубке заказного леса они были приговорены к смертной казни, и только личное вмешательство императрицы Екатерины Алексеевны помогло заменить ее ссылкой на галерные работы. Рубщики из мещан были отправлены на галеры навечно, офицеры — на пять лет, а воевода Иван Феофилачев за потворство и слабое охранение лесов, т.е. «за преступление противное присяжной должности», — на десять. Поместья у всех дворян были конфискованы в пользу царя. Этот случай привел к появлению нормы о высшей мере наказания по отношению к тем, кто «ведая, не известит» о самовольной порубке, а также появлению в правоприменительной практике принципа «незнание закона не освобождает от ответственности» [33, с. 127].

Строгость закона и вся мощь государственной карательной машины была обращена на тех порубщиков, которые покушались на самый ценный строевой корабельный лес, т.е. вторгались в сферу государственных интересов. Необходимо, однако, учитывать, что чрезмерная жестокость указов первого российского императора компенсировалась, по сложившейся в России традиции, необязательностью их исполнения. Н.М. Зобов писал, что при Петре I, несмотря на существовавшую правовую норму о смертной казни, «вероятно, никто не был казнен за порубку дуба» [6, с. 81].

В последующие периоды в борьбе с самовольными порубками правительство также нередко шло на экстраординарные меры. При Николае I самовольная рубка казенных лесов, сопровождающаяся «буйственным сопротивлением» порубщиков лесной страже, была приравнена к бунту и рассматривалась военным судом [34, с. 329]. Однако ужесточение наказаний за самовольные порубки не позволило правительству решить проблему несанкционированного лесопользования. Для дальнейшего развития лесоохранного законодательства характерна тенденция к снижению тяжести наказания за самовольные порубки и перевод его в экономическую плоскость. На практике денежные взыскания, которые, «оставаясь долгое вре-

мя без пополнения по несостоятельности виновных, или рассрочиваются, или слагаются по всемиростивейшим манифестам» [35, с. 791–793]. Объем недоимок за порубку лесов рос год от года, а губернаторы были обязаны ежегодно отчитываться перед императором о мерах, предпринимаемых к их сокращению.

Нельзя не согласиться с Я. Вейнбергом, который справедливо полагал, что лесоохранные мероприятия не достигнут цели до тех пор, пока в обществе не созреет «сознание в необходимости сбережения леса» [22, с. 522]. Между тем нараставшие в конце XIX — начале XX в. темпы экономического развития и возросшая потребность в лесных материалах усугубили существовавшие в лесоохранной сфере проблемы, поскольку «в период капитализма потребительское отношение к природе, хищническое обращение с ней приобретают тенденциозный характер» [36, с. 129].

Таким образом, самовольная порубка леса представляла собой один из важнейших институтов лесного уголовного права. Криминализация этого явления происходила в ходе оформления государственной лесной политики, одним из важнейших принципов которой было ограничение вольного лесопользования населения в наиболее ценных лесах. Значительные объемы самовольных порубок обуславливались природными условиями произрастания лесных массивов, особенностями отечественной системы лесопользования, правоприменительной практики, правового и экологического сознания русского крестьянина. Меры борьбы с самовольными порубками, предпринимаемые правительством, нельзя назвать слишком эффективными. Одно лишь повышение меры ответственности за совершение подобного рода преступлений, вызываемых действительной потребностью в природных материалах и отсутствием возможности удовлетворить ее законным путем, не приводит к желательным благоприятным последствиям. Успешная борьба с несанкционированным лесопользованием возможна лишь при условии учета всех многообразных факторов правового, социального, экономического и экологического свойства, влияющих на динамику преступности в лесохозяйственной сфере.

Библиографический список

1. Фомина И.А. К вопросу о содержании понятия «незаконная порубка деревьев и кустарников» // Сибирский юридический вестник. — 2007. — №2(37).
2. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. — М., 1987. — Т. 1.
3. Фаас В.В. Лесная промышленность. — М., 1925.
4. Манин В.А. Зарождение русского лесного законодательства и проблема правовой регламентации охраны лесов в России до конца первой четверти XVIII в. // Вестник Югорского государственного университета. — 2007. — Вып. 7.
5. Черных В.В. Лесоохранительная политика России в допетровский период // Сибирский юридический вестник. — 2010. — №4 (51).
6. Зобов Н.М. Петр Великий как первый лесовод в России // Лесной журнал. — 1872. — №2.
7. Фалеев Н.И. Лесное право. — М., 1912.
8. Истомина Э.Г. Лесное хозяйство губерний европейской России в XIX — начале XX в.: механизмы управления

и охраны // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2014. — №17(139).

9. Вереха П.Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. — СПб., 1898.
10. Чураков Д.Б. Уголовно-правовая охрана леса в до-революционном законодательстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2016. — №2(52).
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗРИ-2). — Т. 27. — Отд. 1. — №26422.
12. ПСЗРИ-2. — Т. 24. — Отд. 1. — №23187.
13. ПСЗРИ-2. — Т. 14. — Отд. 1. — №12165.
14. ПСЗРИ-2. — Т. 43. — Отд. 2. — №46305.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗРИ-1.) — Т. 31. — №24232.
16. ПСЗРИ-2. — Т. 4. — №3293.
17. Тихонов Е. Волостной суд и мировой судья в крестьянских селениях. — 2-е изд., испр. и доп. — Ковно, 1873.
18. Старцев А.В. Сибирский пушной промысел и проблемы охраны промысловых животных в эпоху капитализма // Культурный потенциал Сибири в досоветский период : межвузовский сборник научных трудов. — Новосибирск, 1992.
19. Ведров С.В. О лесоохранении по русскому праву. — СПб., 1878.
20. Тяпкин М.О. Некоторые особенности народного экологического и правового сознания в сфере лесопользования: на примере Сибирского региона // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. — Барнаул, 2016.
21. Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. — СПб., 1898.
22. Вейнберг Я. Лес. Значение его в природе и меры к сохранению. — М., 1884.
23. Волконский С.М. Павловка. Глава из книги «Родина» // Октябрь. — 1991. — №8.
24. Ядринцев Н.М. Западно-Сибирская низменность // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П.П. Семенова. Т. 11 : Западная Сибирь. — СПб.; М., 1884.
25. Русское лесное дело. — 1893. — №9.
26. Рудзкий А. Лесные беседы для русских лесовладельцев и лесничих. — СПб., 1881.
27. ПСЗРИ-2. — Т. 33. — Отд. 1. — №33144.
28. Жудра П.И. Доклад на заседании Лесного общества от 18 ноября 1883 г. // Лесной журнал. — 1884. — Вып. 1.
29. ПСЗРИ-2. — Т.7. — №5742.
30. Лесной словарь. Составлен в Департаменте корабельных лесов. — СПб., 1845. — Ч. 3.
31. ПСЗРИ-1. — Т. 4. — №2017.
32. ПСЗРИ-1. — Т. 6. — №3509.
33. ПСЗРИ-1. — Т. 6. — №3510.
34. ПСЗРИ-2. — Т. 28. — Отд. 1. — №27398.
35. ПСЗРИ-2. — Т. 5. — Отд. 1. — №3853.
36. Бочанова Г.А. Промысловое освоение Сибири в конце XIX — начале XX в. (вопросы экологии) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX в. — Новосибирск, 1985.